

ТАТЬЯНА
ЧЕШОКОВА

ВЫЖИВШИЕ

ЧТО БУДЕТ С НАШИМ МИРОМ?

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Выжившие. Что будет с нашим миром?

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 66.2

Выжившие. Что будет с нашим миром? / «Алисторус»,
2022 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00180-430-7

После всех событий последнего времени, политических потрясений, войн и эпидемий мир уже не будет таким, как прежде: большие изменения ждут нас в ближайшем будущем. Будет ли введен тотальный контроль над людьми с помощью всеобщей «цифровизации», как изменятся их сознание и жизнь, не превратятся ли они в зомбированных «киборгов»; каким будет общество, какую роль станет играть государство? Обо всем этом и многом другом пишут в данной книге известные российские философы, психологи, писатели, а также представителями мировой интеллектуальной элиты: Г. Джемаль, А. Столяров, А. Буровский, Жан Ф. Ришар, Джеймс Н. Розенау, Тарик Рамадан и другие. Какие-то выводы авторов могут показаться шокирующими, но в нынешней обстановке даже самые невероятные прогнозы могут сбыться.

УДК 82-94
ББК 66.2

ISBN 978-5-00180-430-7

, 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Столяров Андрей Михайлович	7
РОЗОВОЕ И ГОЛУБОЕ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Чеснокова Татьяна Юрьевна

Выжившие. Что будет с нашим миром?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приблизительно 30 000 лет назад случился конец истории неандертальцев. После 400 000 лет развития (!) где-то, судя по всему на юге Испании, окончил свои дни последний неандерталец. Был ли конец цивилизации неандертальцев драматичен, предчувствовал ли его какой-нибудь неандертальский Фукуяма? Скорее всего, ни драматических переживаний, ни предчувствий в неандертальском мире не было – потому что не было еще развитого психического пространства, которое могло бы вместить эти переживания. С тех пор много чего изменилось. Человеческое сообщество породило огромное пространство психических переживаний, в котором в том числе формируется и наше будущее.

Говорят, история не знает сослагательного наклонения. А вот вся будущая история прописана исключительно в нем. Будущая история рождается из наших представлений о ней – смеси страхов, надежд и мечтаний.

Скорость изменения окружающего огромна. Если оглянуться на рекламу в центре большого мегаполиса — легко убедиться, чуть ли не половина из этих призывов была бы в принципе непонятна даже нам – сегодня живущим – всего двадцать лет назад! Вот, например, объявление: «Он-лайн знакомства. SMS. Пошли 48 на номер 1998». Что мог бы понять из этого объявления человек середины 80-х прошлого века? Он бы ничего не понял ни относительно продукта, продвигаемого этой рекламой, ни относительно методов, с помощью которых предлагается употребить этот продукт. Или: «Бесплатная web-камера при покупке компьютера «Кей» с операционной системой Windows Vista». Или: «35 копеек тем, кто не жалеет слов»...

Мир стремительно меняется. И возникает ощущение, что мир меняется быстрее, чем мы успеваем эти изменения предвидеть и обдумать. Но это значит, он рождается из представлений и идей человеческих сообществ других стран, опередивших нас в темпе изменений!

Не успевая отразить стратегические изменения человеческого сообщества, увлеченные вписыванием в потребительское общество, мы лишаемся возможности участвовать в конструировании будущего. В лучшем случае – поставляем в него материал из нашего бессознательного.

Нормальное человеческое желание участвовать в творении будущего – вот из какого стремления возникла идея этой книги.

Сначала предполагалось, что все тексты должны строиться вокруг двух главных линий – изменения человека как биологического существа и изменения человека как социальной единицы и социального устройства в целом. Но вскоре стало очевидно, что мир предполагаемого будущего никак не уложить в пространство между двумя этими направляющими. Возникают и другие вопросы. Можно ли говорить, что человек как самобытная единица развивается? Некоторые полагают, что нет, и корректнее говорить о приближении или удалении по отношению к некоей идеальной матрице, в которую он должен вписаться как ключ в замочную скважину. Можно ли говорить, что существуют прослеживаемые на всем протяжении человеческой истории векторы изменений, охватывающие как логику изменений отдельного человека, так и логику человеческих сообществ? Некоторые полагают, что да, и готовы представить эти векторы.

Можно ли прогнозировать, где находятся точки бифуркаций, после которых те или иные линии изменений станут уже необратимы? Наконец, можно ли попробовать сконструировать

мораль и идеалы общества будущего, отталкиваясь от некоторых прослеживаемых сегодня изменений?

Все эти и многие другие вопросы в той или иной степени затронуты в этом сборнике. Его авторы являются признанными специалистами в разных областях человеческой деятельности и пересекаются в своем интересе к самой главной науке – человековедению.

Книга подготовлена в рамках проекта «Мировые интеллектуалы в Петербурге», реализуемого информационным агентством «Росбалт». Цель проекта —расширить интеллектуальное пространство, в котором происходит обмен идеями и взглядами на будущее российских и зарубежных ученых и мыслителей.

Главную часть проекта составляет серия открытых публичных мероприятий (лекций и «круглых столов») с участием признанных мировых интеллектуалов и «лидеров влияния». Лекторы выступают в Петербургском университете по приглашению «Росбалта». В рамках проекта на сайте www.gosbalt.ru публикуются рецензии на малоизвестные в России книги мировых экспертов, а также интервью с представителями мировой интеллектуальной элиты, аналитические статьи... Некоторые из этих материалов также вошли в книгу.

Столяров Андрей Михайлович

Петербургский писатель, автор 11 книг, лауреат нескольких литературных премий, член Союза российских писателей. Автор многих аналитических статей, опубликованных в журналах «Знамя», «Колокол», «Нева», «Новый мир», «Россия XXI век» и других. Профессор кафедры культурологии Международного института культурологии ЮНЕСКО, руководитель Петербургского интеллектуального объединения «Невский клуб», эксперт Международной ассоциации «Русская культура», лауреат Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов «Идея для России».

РОЗОВОЕ И ГОЛУБОЕ

Лучший пророк для будущего – это прошлое.
Дж. Г. Байрон

Воспоминания о будущем

Когда-то мир был иным. В горах Германии и Швейцарии обитали гномы, знающие тайны земли и то помогающие, то мешающие человеку, забредшему в их владения. Иногда их называли кобольдами и считали, что это они устраивают завалы и камнепады. У кобольдов были рыжие волосы, по росту они не превосходили детей, могли становиться невидимыми, а перед людьми появлялись в красных шапках.

В красных шапках ходили и тролли, обитавшие в горах Скандинавии. Правда, в отличие от кобольдов тролли были громадного роста и обладали нечеловеческой силой. Боялись они только шума, поскольку считали, что это идет за ними сам бог Тор с тяжелым молотом, и еще – солнечного света, который превращал их в камень.

В лесах Европы скрывались лешие, оборотни и феи, в водах плескались водяные, русалки, речные и озерные девы, в избах прятались кикиморы и домовые, а по средневековой Праге тяжелой поступью бродил Голем, сотворенный, согласно легенде, рабби Левом.

Человек не знал покоя даже во сне. Ночью, когда стиралась грань между тем миром и этим, женщин посещали инкубы – демоны, домогающиеся их любви, а мужчин – суккубы в виде соблазнительных дев. Людовик Синистрари писал: «Внешность их подобна человеческой, но совершеннее ее, потому что существа эти менее материальны и, следовательно, находятся на высшей ступени развития» (1).

Еще недавно казалось, что этот мир безвозвратно исчез. За две тысячи лет господства в европейской реальности христианство не просто демонизировало мифическое инобытие, но и вытеснило его в область сказок, фольклора и суеверий. В этом оно было солидарно с европейской наукой. Под солнцем веры или под солнцем разума суевериям места не было.

Они навсегда отошли в прошлое.

Исчезли, как тени в полдень.

Никто и предположить не мог, что давнее прошлое, на которое посматривали с усмешкой, вдруг, соединившись с наукой, превратится в близкое будущее.

Враг номер один

Обратим внимание на одну особенность социальной эволюции человечества, особенность настолько фундаментальную, что, вероятно, именно вследствие этого она, как правило, выпадает из поля зрения.

До сих пор все переходы между различными фазами глобальной цивилизации – от архаической фазы к фазе традиционной, от Античности к Средним векам, от Средневековья к Новому времени – хоть и представляли собой системную катастрофу, то есть сопровождалась тотальной сменой экономических, социальных, культурных и религиозных структур, однако не затрагивали организующей основы цивилизации – биологической сущности человека. Цивилизация в любом случае оставалась антропоморфной – с гуманизированными форматами всех ее несущих характеристик.

Механика этой антропоморфности также достаточно очевидна. Она связана с непрерывной гуманизацией техносферы – приспособлением любых инноваций к физическим особен-

ностям «стандартного» человека. Данное качество жизни хорошо ощущают, скажем, левши, вынужденные существовать в неудобном для них правостороннем мире.

Менее очевидна антропоморфность социосферы. Выявить ее гуманизированные особенности способен, видимо, лишь нечеловеческий разум. Даже фантастика, неоднократно пытавшаяся изобразить негуманоидную социальность, сводила ее обычно к демонстрации разного рода парадоксальных обычаев – либо заведомо «сконструированных», умозрительных, схематических, либо вполне представимых в рамках земного этнического бытия. Впрочем, это понятно: фантастика писалась людьми. Может быть, только Станислав Лем в романе «Солярис» сумел передать ощущение чужого разума.

Вообще можно сказать, что антропоморфность цивилизации возникает «по определению» – просто как продолжение биологических свойств *homo sapiens*. Будучи не в силах переделать себя, человек через развитие техносферы надстраивает свои начальные природные данные: зоркость, быстроту, дальность, точность, мощь реакций.

Между тем сама антропоморфность в координатах биологической эволюции вовсе не очевидна. У нас нет строгого «научного» определения разума; видимо, этот феномен относится к числу тех, которые в конечных понятиях выражены быть не могут, однако исследования зоопсихологов, проведенные в последние десятилетия, показали, что все критерии, отделяющие разум от высокоорганизованного инстинкта, весьма и весьма условны: и животные, и птицы способны использовать для достижения своих целей примитивные «орудия труда»: палки, прутья, камешки, в муравейниках и термитниках наблюдаются сложно дифференцированные «социальные отношения», обезьяны, близкие к человеку, – шимпанзе, макаки, гориллы – могут усваивать довольно большое количество знаков и строить из них предложения; они используют этот «словарный запас» для описания окружающей их обстановки, своих чувств, желаний, для общения друг с другом (2).

Граница между разумом и инстинктом оказывается размытой. Вероятно, природа, ничего не пуская на самотек, заложила потенциал разумности во многие эволюционные ветви. А уж то, что в итоге носителем интеллекта стал именно человек, объясняется, скорее всего, его большей морфологической подготовленностью.

С эволюционной точки зрения человек – весьма редкий пример сочетания нескольких крупных структурных инноваций. Во-первых, это, конечно, очень большой объем головного мозга, превышающий обычные жизнеобеспечивающие видовые потребности. Во-вторых, насыщенность кожи потовыми железами, что, с одной стороны, несомненно, привязывало гоминид к источникам воды, ограничивая тем самым их биологическую мобильность, зато с другой – обеспечивало высокоэффективную терморегуляцию, которая, в свою очередь, позволила человеку занять уникальную экологическую нишу «полуденного хищника». Человек начал добывать пищу днем, что почти сразу же выделило его из животного мира. И в-третьих, человек – едва ли не единственное плацентарное млекопитающее, перешедшее к прямохождению. Практически все схемы антропогенеза согласны в том, что bipedalность стала одним из решающих факторов в процессе восхождения к разуму. Здесь дело не только в «освобождении рук для труда», но и в принципиальном изменении всего ракурса зрения: спонтанно генерируемая в сознании картина мира оказывалась совершенно иной, нежели с «низкого горизонта», и, следовательно, влекла за собой совершенно иной механизм ее психологического интегрирования (3).

Вероятно, антропоморфная сущность не обязательна для проявления разума. Просто «в данное время и в данном месте» она оказалась наиболее подготовленной для его пробуждения. Однако, если бы по каким-то причинам ветвь гоминид в эволюции пресеклась, разум мог бы возникнуть и в другом морфологическом облике.

Аналогично обстоит дело и с современным фенотипическим статусом разума. Обретя в целом гуманоидную анатомию, разум, видимо, долгое время базировался на множестве сход-

ных «носителей». И австралопитек, и зинджантроп обладали, по-видимому, примерно одинаковыми... способностями.

Конфигуративная неопределенность сознания прекратилась, судя по всему, лишь в эпоху неолитической революции, когда вверх по ступеням цивилизации двинулись кроманьонские племена. Однако, опять же, сложись стартовые условия несколько иным образом, и эстафету разумности могли бы перехватить те же неандертальцы.

Так или иначе, разум закрепился в нынешней антропоморфной конфигурации, основные биологические характеристики которой не изменялись уже довольно долгое время.

Это является определенной загадкой само по себе.

Мы знаем, что все высокоорганизованные, «сложные», динамические системы испытывают в процессе развития неизбежную дифференциацию. Каждая такая система неумолимо расходится внутри себя на несколько самостоятельных подсистем, которые затем либо реинтегрируются в нечто совершенно иное, либо полностью обособляются от «материнского организма» и дают начало новым системным сущностям.

Данный процесс наблюдается на всех уровнях материального мира.

Скажем, английский язык, кстати, пройдя все тот же период «диалектовой осцилляции» и утвердив в качестве нормы одну из исторических форм, немедленно начал расслаиваться на несколько самостоятельных языков: «английский английский», «американский английский», «австралийский английский», «канадский английский» и даже вполне автономный, со своим ареалом носителей, «компьютерный» английский язык. Данное структурное расхождение пока нивелируется Интернетом, но оно реально осуществляется, накапливая все большую «базу несовпадений», и при определенных условиях, которые стимулируют этот процесс, вероятно, способно в будущем привести к образованию трех—пяти достаточно отличающихся языков на английской основе.

Христианство, также выработавшее канон лишь после периода осцилляций, когда оно было представлено арианством, несторианством, монофизитами, монофилитами и прочими метафизическими конфигурациями, разделилось в дальнейшем на несколько крупных конфессий: православную, католическую и протестантскую, каждая из которых, несмотря на общий источник, фактически уже представляет собой отдельную мировую религию.

Из истории нам известно, как происходил распад империй на национальные государства, а если мы обратимся к биогенезу, эволюции на Земле жизни, то увидим непрерывное расслоение видов на видовые отдельности, образующие в дальнейшем новые ветви развития. Материал здесь имеется колоссальный; вряд ли его можно оспаривать.

Несколько выпадает из общего ряда лишь вид *homo sapiens*.

Современный человек практически ничем не отличается от кроманьонца. Анатомические признаки, которые он обрел за последние 40—50 тысяч лет, находятся на уровне макияжа. Собственно, можно указать только на акселерацию: некоторое ускорение физического развития, сопровождающееся, правда, заметным увеличением роста. Впрочем, это чисто «арифметические отличия». Ни о каком существенном биологическом продвижении говорить не приходится.

Понятно также, почему это произошло. Регулятором эволюции *homo sapiens* с определенного момента стал социум. Социальные отношения, как только они укрепились, сразу же начали жестко нормировать само понятие «человек», и биологические маргиналы, в каком бы виде они ни проявляли себя, немедленно отторгались. Социум еще готов был принять слепого Гомера, одноглазых Нельсона и Кутузова, Геца фон Берлихингена с железной рукой — история знает немало подобных примеров, однако, например, шестипалость, встречающаяся не так уж и редко, наличие на ладонях остаточных перепонки, сросшаяся в виде копыта ступня считались абсолютно недопустимыми. Уроды — а с точки зрения видовой нормы любое отклонение

от нее есть уродство – либо уничтожались весьма безжалостно, либо оттеснялись на социальную периферию.

О степени подавления видовой инаковости можно судить, например, по тому, что когда стада архантропов около полумиллиона лет назад вторглись на территории, заселенные австралопитеками (*australopithecus robustus*), то не истребили там ни одного вида животных, кроме своих дальних родственников (4). А несколько позднее кроманьонские племена точно так же истребили неандертальцев (5). Здесь, на наш взгляд, лежат истоки атавистического страха перед «другим», который далее многократно воспроизводился и в социальных нормах/репрессиях, и в литературе, – страха перед «почти таким же», перед биологическим «двойником», перед тем, кто настолько тебе подобен, что может занять твое место в биологическом бытии. Напомним, что в XVI веке вполне серьезно обсуждался вопрос, можно ли считать людьми индейцев Южной Америки. Принадлежность их к роду человеческому была утверждена только после принятия специального папского постановления. А спустя двести лет тоже вполне серьезно обсуждался вопрос, есть ли душа у негров. «Ад – это другие», – заметил Сартр. Иными словами, враг номер один – это тот, кто похож на тебя.

В общем, с появлением универсализованных нормативов видообразование *homo sapiens* было приостановлено. Возобладал процесс насильственной консолидации человека. Социальный геноцид, длившийся долгие тысячелетия, стал тем оператором, тем беспощадным резцом, который жестко удерживал разум в формате антропоморфности.

Песнь о «тайных народах»

Положение изменилось лишь в конце XX века. На границе тысячелетий проявились два новых фактора, которых ранее в человеческой истории не было.

Прежде всего, конечно, это победа либерализма, переплавленного за предшествовавшие столетия в законы и бытовые стереотипы и образующего сейчас основную фактуру западной цивилизации.

Здесь, вероятно, уместно вспомнить, что либерализм – это не только рыночная экономика, основанная на частной собственности и конкуренции, как иногда слишком упрощенно считают, либерализм – это в первую очередь социальная философия, предполагающая, что у каждого человека есть данные Богом или врожденные, то есть «естественные», права, что эти права не могут быть никоим образом отчуждены и что социум, а тем более государство обязаны обеспечивать неукоснительную реализацию этих прав.

Любопытно, что ни в каких международно признанных документах не дано определение того, что есть человек. Видимо, до сих пор потребности в данном определении не возникало. Правда, чисто интуитивно, руководствуясь здравым смыслом, можно предполагать, что, с юридической точки зрения, человеком признается любое антропоморфное существо, живущее на Земле и обладающее человеческим разумом. Кстати, понятие «разум», как мы только что говорили, также должного определения не имеет. Существующие тесты «на интеллект» все чаще проходят компьютеры, подлинным интеллектом не обладающие. Однако именно этот критерий является для закона решающим: в современном демократическом обществе какое-либо ограничение прав человека возможно только при дефиците разума. Ни физические, ни физиологические отклонения, если только они не сказываются на способности «здорово» судить об окружающем мире, юридического значения не имеют. Инвалиды с врожденными или приобретенными анатомическими дефектами обладают тем же гражданским статусом, что и «здоровые» граждане.

Это, конечно, одно из главных гуманистических завоеваний цивилизации. Английский физик Стивен Хокинг, еще будучи аспирантом Кембриджского университета, тяжело заболел. У него была выявлена редкая нейропатологическая аномалия, вскоре приведшая к полному

параличу. Уже много лет ученый прикован к инвалидной коляске и общается с внешним миром исключительно через компьютер, оснащенный синтезатором речи. Это, однако, не помешало Хокингу стать одним из ведущих астрофизиков современности, написать «Краткую историю времени», переведенную на множество языков.

Для людей «с ограниченными физическими возможностями» ныне строятся особые спуски в метро, оборудуются специальные входы в магазины и офисы, проводятся спортивные соревнования, шоу, литературные конкурсы.

Так вот, либерализм, утверждая в свободном обществе «равенство через разум», параллельно осуществил одно интересное действие. Признавая критерием человека только сознание, он социализировал маргинальные гендеры. Как известно, помимо традиционных гендеров, мужского и женского, которые необходимы для продолжения вида *homo sapiens*, природа непрерывно создает их маргинальные составляющие: условно говоря, «голубой», маскулинный гендер, чисто мужской, и, условно говоря, «розовый» гендер, феминный, чисто женский. Биологически виду *homo sapiens* такие гендеры вовсе не требуются, и тем не менее они с неизбежностью возникают уже в течение многих тысячелетий. Отношение к ним со стороны натуральных гендеров всегда было негативным: от мягкого, чисто формального отрицания в эпоху античности до государственного, узаконенного преследования в Европе, фашистской Германии и Советском Союзе. Так, видимо, выражалась биологическая ксенофобия «человека разумного» к самому процессу видообразования.

Либерализм дал «цветным» гендерам одинаковые права с натурами. Принадлежность к маргинальному биологическому состоянию ныне не является препятствием к социальной карьере. Более того, это даже может способствовать успешному продвижению в ней, поскольку маргинальные гендеры, как и любые другие меньшинства, выделенные из «нормы», – этнические, политические, культурные – проявляют корпоративную солидарность. Это основа их социального выживания. Конкретные цифры здесь привести трудно, гендерные сообщества по-прежнему остаются закрытыми для социологического анализа, однако, по осторожным высказываниям некоторых американских исследователей, такие меньшинства контролируют сейчас в США весьма значительный объем средств массовой информации. Это свидетельствует и об их финансовом потенциале, и о том влиянии, которое они постепенно приобретают. А вот что, дополняя картину, пишет один из российских исследователей: «... на всех каналах телевидения, независимо от того, какой из банков их спонсирует, трудно стало найти хоть одного ведущего и обозревателя – по крайней мере, бисексуальной ориентации (о гетеро говорить уж не приходится). Этот стремительный ренессанс насчитывает всего лишь семь лет» (6).

Не стоит, впрочем, акцентировать только один аспект гендерных преобразований. Трансформации подвергается вся среда постиндустриального общества. Это можно диагностировать хотя бы по такому социально значимому институту, как семья, которая начала утрачивать прежнюю определенность. Уже индустриальная страта редуцировала патриархальную форму семьи, состоящую, как правило, из нескольких поколений, до современной формы, включающей в себя только родителей и детей. Причем дети в современной семье довольно рано покидают родительский дом и переходят к самостоятельному социальному бытию. Теперь этот процесс стремится к логическому продолжению. Офисный характер труда, рожденный компьютерными технологиями, возрастание в экономике доли сервисной, рекламной и коммуникативной деятельности привели к очевидной феминизации мира. Происходит перераспределение социальной активности: женщины начинают играть все более важные роли в политике, экономике, общественной жизни. Когнитивная революция – это прежде всего революция женщин. Возможно, данное смещение в сторону матриархата связано с большей востребованностью женской психики в эпоху постсовременности. Избирательность (селективность) женского восприятия мира значительно ниже мужского. Мужчина, если уж он разговаривает по телефону, то именно разговаривает по телефону, и ничего более, а женщина, прижимая трубку

плечом, способна одновременно мыть посуду, смотреть по телевизору сериал, приглядывать за ребенком. Видимо, более высокая адаптивность дает преимущества в ситуации хаоса и неопределенности.

Так или иначе, но экономическая независимость женщины, достигнутая ею в постиндустриальную эру, переход ее к более активному социальному репертуару выразились не только в агрессивных тактиках харрасмента или нивелирующих тенденциях унисекса, но и в широкой вариативности семейного (брачного) статуса. Конечно, классический семейный союз по-прежнему преобладает, однако получают распространение и его альтернативные формы: семьи матриархата, где не скрыто, как ранее, а вполне легально доминирует женщина, муж при этом выполняет обязанности по хозяйству, открытые семьи, где каждый из партнеров по договоренности имеет связи на стороне, свингерские семьи, осуществляющие временные обмены партнерами, групповые семьи, где все дети считаются общими, полигиния (многоженство), полиандрия (многомужество) и т. д. и т. п.

Сильнейший удар по семье нанесло внедрение контрацептивов: доступных противозачаточных средств, блокирующих в сексе репродуктивный момент. Секс таким образом в значительной мере отделился от репродукции и стал самостоятельной ценностью, обладающей собственными социальными характеристиками. Фактически он превратился в товар и продается теперь согласно законам свободного рынка. А поскольку товарная конкуренция требует непрерывного обновления ассортимента, то и разнообразие легализующихся ныне сексуальных сценариев тоже непрерывно увеличивается. Фактически в этой области утвердились только два принципиальных ограничения: возрастное, запрещающее эротические контакты с партнерами, не достигшими определенного возраста, и запрет на насильственный секс, в какой бы форме принуждение ни проявлялось. Все остальное разрешено. В демократическом обществе «потребление эротики становится делом индивидуального усмотрения, а свобода получения и распространения сексуальной информации – одним из неотчуждаемых прав взрослого человека» (7).

Либерализм открыл маргинальным гендерам дорогу к легализации. На фоне эротической вакханалии современного общества гомосексуальные проявления уже не кажутся аномалиями. Они постепенно включаются в репертуар обыденных практик, становятся личным, независимым выбором человека. Однако есть еще один существенный фактор, который в истории человечества также появился впервые. Речь идет о новейших биологических технологиях, в частности о клонировании.

Вокруг клонирования слишком много непрофессионального шума, а потому, вероятно, следует подчеркнуть, что клон вовсе не является абсолютной копией человека, как это зачастую преподносится в прессе. Клон копирует биологию человека, но не его личность, которая в значительной мере зависит от среды воспитания. Иными словами, клон Эйнштейна, наверное, будет способным физиком, могущим проводить исследования и даже получать интересные результаты, но вот физиком выдающимся, физиком гениальным он, скорее всего, не станет. Чтобы превратиться в Эйнштейна и создать теорию относительности, нужно все-таки родиться в определенной семье, у определенных родителей, жить в начале века, в провинциальном Берне, служить в патентном бюро, ездить по улицам на велосипеде, иметь определенных друзей, читать определенные книги; нужно вовремя испытать любовное увлечение, которое, в свою очередь, порождает обостренное восприятие мира¹. Все это воспроизвести невозможно.

Однако применительно к нашей теме клонирование имеет чрезвычайно важный аспект. До сих пор маргинальные гендеры не имели реальной биологической самостоятельности. Они могли возникать, лишь отщепляясь от магистральной натуральной гендерной линии. Их генетическая

¹ Основополагающая работа Эйнштейна по специальной теории относительности «К электродинамике движущихся тел» была создана в период его короткого, но очень бурного романа с югославской студенткой Милевой Марич.

зависимость была очевидной. Клонирование же впервые обеспечивает им биологическую автономность, а в перспективе, которая уже ощутима, и полную репродуктивную изоляцию. Традиционный способ продолжения вида, половым размножением, становится уже не единственным и не осуществляет более «гендерного отбора». Чистые линии, «розовые» и «голубые», могут поддерживаться неопределенно долго именно за счет клонирования.

Строго говоря, образуется новый вид человека. Границы вида, помимо анатомического родства, определяются еще и пределами скрещивания. Если особи какой-либо популяции скрещиваются между собой, давая жизненное потомство, в свою очередь способное к размножению, значит они представляют единый биологический вид. Как только подвиды таковую характеристику утрачивают, они признаются в систематике разными видами.

Обращение к «внешней», «технологической» репродукции выглядит тем более неизбежным, что за структурные инновации, приведшие к появлению разума, вид *homo sapiens* расплачивается большими физиологическими издержками: роды у людей чрезвычайно затруднены и, несмотря на все достижения медицины, сопряжены со значительным риском, ребенок рождается недоношенным, поскольку нормальные сроки беременности здесь должны составлять не тридцать шесть, а минимум пятьдесят недель, это, естественно, влечет за собой чрезмерно растянутые периоды младенчества и детства. Если с помощью биологического хайтека этот «эволюционный налог» с человека удастся снять, значит, в конце концов, так и будет, что как следствие приведет к выделению маргинальных гендеров в самостоятельные репродуктивные ветви.

Что же касается моральных аспектов клонирования, то можно вспомнить, что первым известным в истории достижением этого рода было создание Евы из ребра Адама. То есть высокие биологические технологии вполне совместимы с традиционными представлениями. Бог сам указал дорогу, по которой может двигаться человек.

Конечно, подобные выводы могут показаться слишком поспешными. Клонирование, по крайней мере в настоящее время, – технология исключительно дорогая, трудоемкая, ненадежная. Обеспечить непрерывность «цветных» гендеров она пока что не в состоянии. Однако здесь опять-таки можно обратиться к истории компьютерной революции. «ЭНИАК», первая электронно-вычислительная машина, построенная в 1946 году по заказу военного ведомства США, занимала более сотни квадратных метров площади, весила около 30 тонн, была маломощной, капризной (работала на 18 000 электронных ламп) и требовала для обслуживания громадного квалифицированного персонала. А уже в середине 1980-х годов, компактные персональные компьютеры с соответствующим программным обеспечением начали в массовом порядке появляться в офисах и домах граждан высокоразвитых стран.

Удешевление технологий, их упрощение, повышение их надежности – дело времени, был бы социальный заказ. А социальный, точнее цивилизационный, заказ на технологии клонирования уже имеется.

Попробуем оценить количественный потенциал такого заказа. Считается, что склонностью к нетрадиционной гендерной ориентации обладают примерно 10% всех живущих сейчас людей. Во всяком случае, наличие такого рода влечения, по разным данным, признают от 6% до 15% мужчин и женщин (8). В действительности четко выраженных маргиналов, конечно, значительно меньше, поскольку во многих случаях нетрадиционная ориентация имеет необязательный (факультативный) характер: в координатах традиционной морали она достаточно легко подавляется.

Цифры, тем не менее, впечатляют. Можно полагать, что около 600 миллионов людей, по крайней мере в принципе, склонны существовать в «голубом» или «розовом» ареале. Для такой страны, как, например, США, это будет составлять 27—28 миллионов граждан. Причем помимо корпоративной «биологической» солидарности «новый гендер» обладает еще и повышенной пассионарностью. Он уже сейчас играет весьма заметную роль в политической

и общественной жизни многих западных стран, а в дальнейшем степень его влияния будет только усиливаться. Это видно хотя бы по тому факту, что Хиллари Клинтон, первая из супругов президентов Соединенных Штатов, приняла участие в параде геев в Нью-Йорке. А когда самая известная лесбийская пара Америки разорвала отношения, уже собственно президент США позвонил им обеим и выразил свое сочувствие (9). Политики западных стран, как, впрочем, и некоторые политические деятели в России, уже начинают осознавать, кто составляет значительную часть активного электората.

Причем дело, вероятно, не ограничится только влиянием. Культура «цветных гендеров», основанная на однополрой любви и «технологическом» продолжении рода, будет достаточно сильно отличаться от «натуральной», традиционной культуры. Это будет способствовать постепенному их разделению и созданию социальных институтов и механизмов, поддерживающих иной биологический статус. Процесс может зайти весьма далеко. Фактически речь идет о возникновении новых цивилизаций – о выделении в современном сознании принципиально иной ментальности, о построении обществ, реализующих иной тип биологических отношений.

Формальная схема здесь давно отработана. Сначала представители новых «цветных культур» обретут наравне с общественным и полное юридическое признание. Собственно, эти процессы уже идут: практически во всех западных странах гомосексуальные отношения, «розовые» или «голубые», больше не считаются преступлением. Более того, там официально разрешены гомосексуальные браки. Первый шаг в этом направлении в 1989 г. сделала Дания. Ее примеру последовали Норвегия (1993), Швеция (1994), Исландия (1996), Нидерланды (1998), Финляндия (2001). Сходный закон в 2001 г. приняла Германия, а во Франции и Бельгии пришли к компромиссному «гражданскому пакту» – договору особого рода, который могут заключить между собой двое взрослых людей для регулирования их совместной жизни (9). Таким образом «человек гендерный» получает защиту закона. Далее, скорее всего, возникнут «цветные коммуны», то есть дома, кварталы, районы, возможно, целые города, населенные полностью или в подавляющем большинстве представителями «новых цивилизаций». Эта тенденция также уже хорошо прослеживается. В мегаполисах США и Европы такие коммуны существуют вполне открыто. Следующий шаг – культурная автономия, затем – автономия политическая и как конечный этап – реальная государственная независимость. «Цветные гендеры» оторвутся от породившей их «натуральной культуры» и пойдут собственным цивилизационным путем.

Не следует думать, что это слишком экзотический сценарий развития. Конечно, маргинальные гендеры составляют сейчас по отношению к натуралам явное меньшинство. Трудно поверить, что они могут бросить вызов всему человечеству. Однако стоит напомнить об одном странном свойстве истории: она имеет обыкновение осуществляться именно через маргиналов. Первые млекопитающие, появившиеся на Земле, несомненно были уродами среди динозавров. Вряд ли какой-либо здравомыслящий наблюдатель, если бы он в то время существовал, мог бы предвидеть за ними сколько-нибудь перспективное будущее. И где теперь динозавры? А невзрачные поначалу млекопитающие являются ныне, благодаря человеку, господствующим на Земле видом. Маргиналами были первые либералы в Соединенных Штатах, полагавшие, вопреки общему мнению, что права человека выше прав государства. Из этой «бредовой» идеи выросла могущественнейшая империя нашего времени. Очевидными маргиналами были христиане в Римской империи, большевики в России, демократы в СССР в период «развитого социализма». Фашисты, чуть было не создавшие мир расового неравенства, начинали свое движение всего с кучкой сторонников. Это даже нельзя отнести к неким парадоксам истории. Просто новое в миг своего зарождения всегда выглядит смешным и нелепым. Более того, в этом есть какая-то железная логика: если что-то в данный момент кажется вздорным и абсолютно неосуществимым, значит, можно не сомневаться – оно будет жить дальше. Можно не

сомневаться: за этим явлением – будущее, за ним – сила, остановить которую будет не так-то просто.

Сейчас маргинальные гендеры растворены в традиционной культуре. Они почти незаметны, присутствие их в социальном пространстве практически не ощутимо.

Однако времена изменились.

Уже ничто не препятствует «тайным народам» подняться из катакомб на поверхность.

Элои – морлоки

Гендерное расслоение человека можно назвать «расслоением по горизонтали»: «цветные культуры», «розовые» и «голубые», могут при благоприятных условиях существовать наравне с культурой традиционной, могут взаимодействовать с ней и, вероятно, даже чем-то обогащать. Взгляд со стороны, взгляд на себя из параметров иных мировоззренческих смыслов всегда полезен. К тому же возникающая множественность полов увеличивает генетическое разнообразие человечества, а это, в свою очередь, усиливает его эволюционный потенциал: чем больше исходная гетерогенность, тем выше уровень последующей гармонизации. То есть разделение гендеров можно в определенной мере считать явлением прогрессивным.

Однако в настоящее время набирает силу и другой важный процесс, который можно было бы обозначить как «расслоение по вертикали». Иначе – *когнитивное расслоение*.

Дело в том, что современное образование, как, впрочем, и современное воспитание, становится достаточно дорогим. Непрерывно растет стоимость развивающих игрушек и игр, детских книг, учебных пособий, воспитательных тренингов, прививающих «опережающие» социальные навыки, растет стоимость спортивного инвентаря, секций, кружков, дополнительных курсов, не говоря уже о зарубежных поездках и межкультурных обменах. В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку.

Разумеется, государство как гарант социального равенства пытается противостоять этой тенденции – с одной стороны, вводя обязательную для всех систему среднего образования, обеспечивающую необходимый минимум знаний, а с другой – создавая специальные фонды, школы, секции для развития одаренных детей. Такие «образовательные каналы», сшивающие социальные «верхи» и «низы», существуют во многих странах. Следует, однако, иметь в виду, что оба этих механизма начинают работать лишь с детьми школьного возраста, то есть в значительной степени уже сформированными. При этом наиболее важные первые годы жизни ребенка полностью отдаются на откуп родителям.

Постепенно складывается ситуация, при которой дети из хорошо обеспеченных современных семей будут иметь практически безусловное социальное преимущество: при любом тестировании, каковое оценивает прежде всего подготовленность, они покажут более высокие результаты, нежели контрольная («средняя») группа. Это, в свою очередь, означает, что такие дети почти полностью свернут на себя все государственные программы по элитному образованию и воспитанию.

Первичное расслоение общества, сословное или материальное, превращается таким образом во вторичное, то есть в расслоение интеллектуальных потенциалов.

Для государства это означает резкое сокращение социальной базы, поскольку «низы», отторгнутые от «лотереи», будут относиться к власти индифферентно, и одновременно – сокращение вертикальной мобильности, способности изменяться, которая обеспечивает устойчивость к внешним воздействиям. Для общества это означает переход от одnogорбой к двугорбой кривой распределения интеллекта.

Иными словами, от современного распределения, имеющего единый максимум при ста единицах IQ (принятый в западной социологии коэффициент умственного развития), мы

неуклонно смещаемся к совершенно иному распределению, обладающему уже двумя достаточно далеко разведенными максимумами. Первый, чрезвычайно обширный, будет соответствовать интеллекту порядка 60 единиц (с современной точки зрения – на уровне инфантилизма), а второй, чрезвычайно узкий, – IQ порядка 140 (уровень одаренности с признаками таланта). Очевидно, что с развитием данной тенденции «когнитивное расслоение» только усилится: первый максимум устремится влево – к значениям, характерным для медицинского идиотизма, что мы уже наблюдаем, в то время как второй, вероятно, все более уплотняясь, уйдет в область гениальности или даже дальше (10).

Конечно, «когнитивное расслоение» возникло не в наши дни. Дети привилегированных классов получали «опережающее образование» уже в течение многих столетий. В Средневековье наследники феодальной знати начинали осваивать навыки административного управления, а также навыки боя, владение копьем и мечом уже с самого раннего возраста. Не приходится удивляться, что конный рыцарь мог в одиночку разогнать толпу, состоящую из нескольких десятков вооруженных смердов. В Новое время, потребовавшее новых навыков, возникли системы закрытых школ, колледжей, престижных университетов, выпускники которых занимали потом командные должности в государстве. Демократия это явление ослабила, но полностью не устранила. Механизм «рекрутирования из низов», созданный ею, позволял лишь периодически вливать в элиты «свежую кровь». Однако преодолеть само «когнитивное расслоение» он был не способен. Видимо, эта проблема относится к числу тупиковых – тех проблем, которые удовлетворительного решения вообще не имеют.

Однако в нашу эпоху она приобрела неожиданное звучание.

Образование в популяции *homo sapiens* развитых социальных структур не просто замедлило (остановило) антропогенез, то есть видообразование человека. Дальнейшее их развитие, в частности появление высоких универсалий, связанных с христианством, привело к осознанию ценности человеческой жизни вообще. Если в древнегреческой Спарте слабых или больных детей попросту убивали, если в Римской империи во времена расцвета античной культуры нежелательного ребенка можно было бросить в холмах за городом – такой поступок никому не казался чудовищным, то в христианской цивилизации с ее базисным принципом «не убий», в либерально-демократическом государстве, выросшем именно из базисных принципов христианства, и больные, и слабые, и увечные получили шансы на выживание.

Правда, по-настоящему этот фактор начал работать только в двадцатом веке, когда, во-первых, были ликвидированы массовые эпидемии, уносившие миллионы людей (прежде всего – генетически слабых, с пониженным жизненным тонусом), а во-вторых, медицина достигла такого уровня эффективности, который позволял сохранять жизнь особям даже с явными наследственными аномалиями. Действие естественного отбора было таким образом резко ослаблено, и в генофонде человечества стал накапливаться *груз летальных мутаций*.

Напомним, что «грузом мутаций» принято называть всю совокупность вредных генетических изменений, имеющих у человека. В подавляющем большинстве «летальными», то есть приводящими к смерти, они, разумеется, не являются и также в подавляющем большинстве находятся в рецессивной, то есть «непроявленной», форме. Ранее человек, накопивший критическую массу подобных мутаций, попросту умирал, и дефектный материал изымался из генетического оборота. Теперь же благодаря усилиям медицины такой человек полноценно живет, более того, создавая семью, передает этот «груз» следующим поколениям. А они неизбежно наслаивают на него собственные аномалии. За последние сто лет данный «груз» вырос настолько, что уже сказывается на генотипе всего человечества.

Свою лепту сюда внесла и война. С появления в XIX веке массовых армий, формируемых не по найму, а путем принудительного рекрутирования, начал работать мощный механизм «антиотбора»: в армию призывались и в результате военных действий гибли в первую очередь те, кто по своим физическим, а следовательно, и генетическим качествам принадле-

жал к верхней границе нормы. Глобальные европейские войны эту границу неуклонно снижали. Известно, например, что после блистательных побед императора Наполеона средний рост французов уменьшился на два сантиметра. Такова была плата нации за империю. Можно, кстати, с достаточной уверенностью предположить, что успех идей фашизма в Германии, равно как и успех идей большевизма в России, не в последнюю очередь был вызван именно этими обстоятельствами. Обе нации понесли колоссальные потери в течение Первой мировой войны, и общественное сознание сместилось в сторону психопатических аномалий. Оно стало неустойчивым, невротическим, склонным к заражению самыми бредовыми комплексами.

О том же свидетельствуют и вспышки нынешних эпидемий. СПИД, лихорадка Эбола, атипичная пневмония, птичий грипп и некоторые другие болезни, время от времени выполняющие из экзотических уголков мира, на языке биологии говорят об одном: генофонд человечества нестабилен, распада его можно ожидать уже в ближайшие годы. Пока средствами медицины эти эпидемии удастся в какой-то мере держать под контролем, но не исключена возможность некой «сверхбыстрой» инфекции, которую уже нельзя будет остановить. Именно таким путем регулируется численность популяций в животном мире, и природа, скорее всего, пытается сейчас включить уже известный ей механизм.

Отсюда вытекает необходимость чистки глобального генофонда, удаления из него тех мутаций, которые представляют угрозу для всего человечества. В принципе эта проблема решаема. Характерно, что правительства некоторых европейских держав, Англии и Франции например, несмотря на накал страстей вокруг новых биологических технологий, уже узаконили исследования в этой области. Слишком заманчивые перспективы здесь открываются. Однако, как и в случае с образованием, решение данной проблемы будет доступно отнюдь не всем. Очистка средствами генной инженерии родительского генотипа, «терапевтическое клонирование» – выращивание «запчастей» человеческого организма, «персональная медицина» – то есть производство лекарств, учитывающих не общие, а индивидуальные особенности человека, еще очень долго будут обладать фантастической стоимостью. Воспользоваться ими сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство.

Метафорически это состояние было описано Гербертом Уэллсом в романе «Машина времени»: человечество будущего там оказывается разделенным на ангелоподобных элоев, благоденствующих во дворцах, и дегенеративных морлоков, обитающих на подземных заводах.

В действительности ситуация может быть даже хуже: современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения.

Что же касается современных «эллов», то их будет, по-видимому, слишком мало, чтобы обеспечивать нормальное функционирование цивилизации. К тому же устремления «корпорации сверхлюдей», обладающих интеллектом порядка 200 единиц IQ, почти наверняка будут лежать вне сферы материального производства.

Здесь возможны два варианта развития. В одном случае происходит *первичное упрощение* – системная катастрофа с быстрой гибелью сначала культуры «эллов», а затем и «морлоков». В дальнейшем следует ожидать постепенного восстановления однопикового распределения IQ.

Во втором варианте, на наш взгляд, более вероятном, «элои» могут создать группу поддерживающих технологий, которые остановят деградацию культуры «морлоков» на сколько-нибудь приемлемом уровне. По крайней мере таком, который бы обеспечивал устойчивость и развитие цивилизации. Двухпиковое распределение интеллекта здесь, разумеется, будет сохра-

нено, причем разрыв между пиками со временем начнет увеличиваться – однако уже не за счет деградации культуры «морлоков», которая будет надежно законсервирована, а за счет ускоренного развития культуры «элоев». «Морлоки» же превратятся в обычных людей, живущих обычной жизнью, практически не соприкасающейся с чуждой им «сверхкультурой».

Не следует считать данный прогноз чистой воды схоластикой. *Транснациональные элиты* в том или ином виде существовали во многих эпохах. Уже в Древнем мире образовалась тенденция к заключению браков в слое племенной знати, вождей и правителей – эти родственные отношения и определяли в значительной мере принципы тогдашней геополитики. Аналогичное явление наблюдалось в Средневековье, когда Европой фактически управляла родственная между собой англо-франко-скандинаво-немецкая наследственная элита. Конфликты внутри такой элиты были в основном конфликтами внутри единой «семьи» и, как правило, не выражали интересы более низких сословий. Характерен пример северского князя Игоря, который потерял в битве дружину, но спасся сам, поскольку являлся родственником своего противника, половецкого вождя Кончака.

А для более поздних времен можно привести следующий показательный факт: мальчик, родившийся от прусского офицера и еврейки на английском корабле, подплывающем к Лиссабону, стал российским министром иностранных дел (11). Имеется в виду граф Нессельроде, занимавший этот пост в течение сорока лет.

«Князьями» современного мира являются владельцы и менеджеры крупных транснациональных корпораций, ведущие финансисты, регулирующие потоки мировых денежных средств, интеллектуалы, занимающиеся геополитическим стратегированием, некоторые политики, сверхбогатые представители творческих, в основном «кинематографических» и «эстрадных», профессий. Постепенно смыкаясь между собой, они образуют господствующую мировую элиту – очень узкую прослойку людей, реально влияющих на масштабные экономические и политические процессы.

Корпоративные, в том числе биологические, интересы такой элиты будут, несомненно, выше национальных или государственных интересов среды, из которой она первоначально вышла.

Об этом же пишут и западные культурологи. «Первый еретический принцип правительства Третьей волны – принцип власти меньшинств. Он предполагает, что правление большинства, ключевой легитимизирующий принцип эры Второй волны, все больше устаревает. В расчет принимается не большинство, а (квалифицированное. – А.С.) меньшинство. И наши политические системы должны все больше отражать этот факт» (12).

Напомним, что под Третьей волной автор, в данном случае Э. Тоффлер, подразумевает информационное общество, а под Второй – общество индустриальное.

Диагностировать начинающееся расслоение можно по таким социальным параметрам, как доходы и потребление. Разрыв здесь весьма показателен. «Еще 40 лет назад заработки менеджеров (в Германии. – А.С.) были примерно в 30 раз выше среднего заработка граждан, сегодня они превышают его в 240 раз» (13). То же самое можно сказать и о других странах, тем более о России, где данный разрыв еще более акцентирован. Вспомним о многомиллионных доходах «звезд» Голливуда, «звезд» эстрады, «звезд» спорта. Причем если раньше протестантская этика, на основе которой возникло «общество потребления», требовала даже от самых богатых и влиятельных граждан личной скромности и умеренности в быту, декларируя, по крайней мере теоретически, мирской аскетизм, то теперь этот сдерживающий оператор практически не работает. Телевидение непрерывно демонстрирует нам роскошные виллы на побережье, средневековые замки или целые острова, принадлежащие новой элите, океанские яхты, личные самолеты, ювелирные украшения стоимостью в несколько годовых доходов среднего человека. Незаметно, вопреки всем принципам социального равенства, утвердилось в нашей жизни такое явление, как ВІП-обслуживание: особые залы в аэропортах, куда допуска-

ются только избранные, особые авиарейсы, особые номера в гостиницах. То, что раньше являлось привилегией правительственных чиновников, которую еще можно было каким-то образом оправдать, ныне стало обычным ассортиментом нового класса, «другим», недоступным среднему гражданину образом жизни. Это уже никого не удивляет. Сверхдорогое, «элитное» потребление выставляется напоказ и тем самым легитимизируется как социальная данность. Из того же разряда и намерение концерна «Газпром» возвести себе высотный офис в Санкт-Петербурге. При этом деформация архитектурного облика города, построенного на горизонталях, никого не волнует. Важно утвердить свое собственное, «неземное» величие. Так фараоны в Древнем Египте возводили чудовищные пирамиды, чтобы наглядным образом обозначить свою божественную, надмирную сущность. Правда, тогда о правах человека еще никто не задумывался.

Складывается довольно стройная схема «постиндустриального рабства», имеющая универсальный (интернациональный) характер (14). На верхнем этаже иерархии располагаются «небожители», подлинные «эллой», люди, которым «дозволено все». Образование/воспитание носит здесь штучный характер: няни, гувернеры, частные учебные заведения, частные учителя. Используются самые передовые образовательные стратегии. На второй ступени находятся зримая элита общества, «придворная знать», поддерживающая весь мировой кастовый механизм: политики, топ-менеджеры, банкиры, деятели науки, искусства. Образование здесь уже относительно. Речь, скорее, идет о чрезвычайно высоком, «элитном» профессиональном уровне. Впрочем, уже в силу своего положения эта каста обладает знаниями, недоступными более низким социальным слоям. Следующий этаж – специалисты узкого профиля: инженеры, клерки среднего уровня, мелкие менеджеры, программисты. Особенность этого уровня заключается в том, что его представители остаются, по сути, необразованными людьми. Знаниями за пределами своей специальности они, как правило, не обладают. Это уже не собственно образование, а лишь обучение определенным навыкам. И, наконец, цокольный этаж иерархии образуют носители самой низкой квалификации: участники индустриального производства и сферы обслуживания. О каком-либо образовании здесь уже говорить не приходится. Представители этой касты должны уметь лишь немного читать, немного считать и выполнять простейшие операции: нажимать кнопки, складывать кирпичи, оформлять некоторые документы. Все их культурные / образовательные запросы удовлетворяет рыночный механизм, поставляющий примитивные эстрадные «зрелища».

Собственно, это классическая структура общества, существовавшая и в эпоху рабовладения, и в эпоху феодализма. И если, вопреки иллюзиям равенства и свободы, еще недавно сиявшим в концепциях социализма и либерализма, она снова, с удручающим постоянством воспроизводится в начале когнитивной эпохи, значит, истоки ее – в природе самого человека, в природе мира, в глубинной сущности мироздания, рождающей раз за разом одни и те же социальные отражения.

Главный вопрос, который ныне стоит на повестке дня: удастся ли современным «эллой» и дальше владычествовать над «морлоками»? Сумеет ли «раса господ» накинута на мир крепкую генетическую узду, стянув ее навсегда, или впереди нас ждут гигантские социальные катаклизмы, превосходящие по масштабам все то, что знал беспокойный XX век? Возникнет ли идеальный «новый порядок» или миллиарды «морлоков», воспламененные какой-нибудь очередной доктриной всеобщего равенства, пойдут на штурм поспешно возводимых сейчас твердынь Эдема?

Где та сила, которая была бы способна их удержать?

Приход больших обезьян

В конце XX века в массовой культуре западных стран возникла мода на ниндзя. Так называли воинов-шпионов средневековой Японии, которые, согласно легендам, обладали уникальным комплексом навыков. Ниндзя могли передвигаться стремительно и бесшумно, так что обычный человек не успевал за ними следить, владели приемами боя, позволявшими им побеждать многочисленных, хорошо вооруженных врагов, могли проникнуть в любой дом, в любую крепость, в любое охраняемое помещение. Укрыться от них было нельзя. «Ужас, летящий на крыльях ночи» поражал каждого, кто становился у него на пути. Конечно, сказания о легендарных, непобедимых воинах существовали у многих народов. Однако именно ниндзя, получающие свои способности не от волшебников или богов, а от земных, вполне доступных учителей, стали героями западного кинематографа.

Искусство не случайно характеризуют как «опережающую реальность». Средствами художественного прозрения ему иногда удается заметить то, чего еще не видит никто: онтологическую новизну, заслоненную повседневностью. Так Пикассо, обратившись к кубизму, начал деконструкцию мира задолго до философии постмодерна, «текущие образы» Сальвадора Дали опередили изменчивость и неопределенность современных социальных пейзажей, а Энди Уорхолл, конструируя свои спекулятивные инсталляции, вероятно, даже не подозревал о существовании термина «симулякр».

Фокусирование общественного сознания на воинах-ниндзя, главной чертой которых является комплекс «сверхчеловеческих» навыков, вероятно, свидетельствует о том, что время подобных существ наступило.

Тому есть объективные подтверждения. Вспомним высказанный ранее тезис об определенной самостоятельности техносферы. Большинство инноваций, возникающих в логике технического развития, должны быть гуманизированы, то есть приспособлены к человеку, иначе их будет трудно использовать. С другой стороны, у подобной гуманизации есть известные ограничения: технику нельзя сделать абсолютно «биологичной», ее нельзя упрощать без предела, не остановив сам прогресс, и потому необходим встречный процесс – технологизация человека, приспособление его к техническим новшествам, которые по мере цивилизационного продвижения становятся все менее и менее «естественными».

Судя по всему, этот второй ресурс, то есть способность адаптации человека к развивающейся техносфере, уже исчерпан. Современная техника достигла такой степени сложности и быстрого действия, которая превосходит физиологические возможности стандартного представителя вида *homo sapiens*. Выше мы уже приводили впечатляющие примеры техногенных сбоев и катастроф, вызванных ошибками человека, и потому сейчас сошлемся лишь на мнение специалиста, считающего, что 80% инцидентов такого рода объясняются человеческим фактором (15). Причем никакое наращивание мер безопасности к улучшению ситуации не приводит. Во всяком случае затраты на них не сопоставимы с получаемыми результатами. Первые стремятся к бесконечности, вторые – к нулю. Динамика катастроф все равно нарастает. Безудержно увеличиваются их масштабность и частота.

То есть техносфера постепенно выходит из-под контроля. Дальнейшее рассогласование «человеческих» и «машинных» реакций грозит катастрофами уже планетарных масштабов. А это, в свою очередь, ставит вопрос о технологизации современного носителя разума, о синхронизации его биологических качеств с динамикой инноваций.

Естественным, эволюционным путем этого не происходит. Значит, потребуется искусственное, целенаправленное преобразование человека. Модернизация его теми биологическими технологиями, которые уже появляются.

Собственно, ничего нового мы тут не высказываем. Вся техносфера уже с момента своего зарождения представляла собой гипертрофию (и улучшение) многих человеческих качеств. Меч и копье являлись технологическим «продолжением» рук, нож и топор выполняли те функции, для которых недоставало силы ногтей, повозка, а затем механический транспорт ускоряли передвижение, письменность расширяла коллективную память до объемов целых тысячелетий. XX век если как-то и отличался от конфигураций предшествующих достижений, то только тем, что теперь надстраивались более сложные биологические процессы: появились аппараты искусственного дыхания, искусственного кровообращения, искусственная почка, биомеханическое протезирование конечностей. Причем здесь прослеживается выразительная тенденция: сближение и внедрение технопериферии непосредственно в человеческий организм. Это демонстрируют нынешние электростимуляторы сердца, вшиваемые в грудную клетку, искусственные клапаны, вены, артерии, сделанные из полимерных материалов, искусственные суставы, искусственные «заплаты» в гортани или кишечнике. Данная тенденция хорошо иллюстрируется эволюцией такого всем нам знакомого оптического приспособления, как очки, которые сначала представляли собой шлифованные драгоценные (полудрагоценные) камни, подносимые к глазу, далее превратились в «монокль» с держателями разного рода, затем стали парными, надеваемыми на переносицу, недавно редуцировались до линз, которые можно вставлять под веки, и, наконец, сейчас вытесняются рутинной хирургической операцией по подтягиванию роговицы. И, возможно, потомки будут с изумлением взирать на фотографии нашего времени, сочувствуя людям, вынужденным, чтобы видеть, носить на лице вычурное, тяжелое, неудобное оптическое устройство.

То же самое, вероятно, произойдет и с нынешней техникой. Операции по вживлению простейших чипов, позволяющих человеку непосредственно управлять компьютерами, начали производиться уже несколько лет назад. Первые результаты выглядят весьма перспективно: временной интервал между принятием решения и его техническим исполнением значительно уменьшается. Это, в свою очередь, увеличивает совместимость человека и техносферы, и потому «наступление машин», о котором когда-то писал Кевин Уорвик, будет продолжено (16). Теперь дело, как и в случае с клонированием человека, заключается только в удешевлении и повышении надежности этих биопластических операций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.